

ТЕСС ХАГЕН

ТОЛЬКО ТВОЯ ТЕНЬ

ПОСЛЕДНИЙ ЭКЗОРЦИСТ

18+

Тесс Хаген
Только твоя тень.
Последний экзорцист.

<https://litres.ru/74415858>

SelfPub; 2026

Аннотация

Симеон Гильза — экзорцист-наоборот, педантичный, рефлексивный и дотошный. Он, всегда неукоснительно выполняющий все правила, сталкивается с искушением. Да не с одним. Прекрасная наблюдательница Идунн, юная фотомодель Серафим, пара на пути к падению — Марат и Каталин... Все они тянут Симеона в разные стороны, играя с его желаниями, пока в игру не вступает тот, кто смешает карты всем...

Содержание

1.

4

Тесс Хаген

Только твоя тень.

Последний экзорцист.

1.

Разве существует более терпкое и утешающее гордыню удовольствие, чем плыть в серый предутренний час по мокрому асфальту спящего города, представляя под своими ногами мостовую? Звук шагов, разносясь по пустой улице, напоминает поступь судьбы или её вершителя, умело воссоздаваемый оркестром. Если занести ногу медленно и опустить её тяжело, размашисто, то можно уловить отзвук или глухой, или чуть ярче, и убедиться, что никто более за тобой не идёт, никто не прислушивается к ровному, уверенному дыханию.

Следуя за этими мыслями, Симеон Гильза незаметно добрался до поворота, отсчитав всего сто двадцать шагов. По одному на каждые два удара сердца. Итого двести сорок. С учётом того, что сердце его билось с частотой в шестьдесят сокращений в минуту, выходило всего-то четыре минуты ходьбы. Он привык считать время через пульсацию на шее или запястье, если не мог ощутить биения сердца. Способ надёжный, хоть и несколько относительный.

Гильза жил в своём мире, умело вписывая его в тот, что выстраивался вокруг. Собственно, он не имел привычкой представлять, будто бытие вращается, используя его как ось, при этом не был лишён чувства собственного достоинства и абсурдной гордыни. Чаще ему думалось о себе, как о самодостаточном, талантливом, привлекательном, умелом, в меру обворожительном, но всё же серьёзном и жестоком экзорцисте.

О нет! Нет... Гильза никогда не изгонял из людей и нечто жуткое, именуемое в обыденности дьявольщиной. В его перевернутом мире экзорцист лишал доброго и светлого. Выкуривал, вытягивал, извлекал, как хирург удаляет здоровый зуб, вырезает аппендикс или стачивает мозоли. Зачем? Симеон Гильза не знал сам. Вернее – знал, но в такие минуты, как эта, предпочитал не помнить.

Вдоль его шеи, спрятанной под тугим воротом рубашки, затянутым тонким старомодным галстуком, проскользнула вечная подруга, охотливо выныривая из уютного внутреннего кармана пиджака, где обычно коротала время в поездках. Влажный осенний воздух привлекал существо, зависящее от температуры, страхом скорой гибели, ведь она – старая змея, давно уже уподобилась своему хозяину в губительной тяге к риску и опасности, так приятно щекотавшими почти атрофировавшиеся нервы.

– Неплохой городок, согласишься, милая? – пропел Симеон, проводя пальцем по прохладной чешуе.

Ответа не последовало – было бы странным, если всегда молчаливое животное издало бы звук. Гильза в принципе не любил шума: ни того, который создавал сам, ни того, который извергали из себя другие. Может, поэтому он везде таскал с собой безымянную змею. Теперь-то вспомнить, откуда она взялась, не представлялось возможным.

А городок и, вправду, был неплохим, из разряда таких, где населения не так много, но и не настолько мало, чтобы каждый знал каждого. Перевалочный пункт для путешественников, родной дом для истинных патриотов и людей с романтическим складом души. Симеон же попал сюда, как и в любое другое место, – случайно. Ведомый собственным пальцем и картой: попросту ткнул в неё и проложил маршрут с помощью навигатора.

В мегаполисах или городах многомиллионных, конечно, было где разгуляться. Но ему нравилась непередаваемая атмосфера городов поменьше: иногда вспоминалось что-то из слишком далёкого прошлого, и он долго сидел, наблюдая из окна уже несуществующую жизнь, слышал стук копыт, скрип колёс, сигналы первых автомобилей и весёлый смех давно увядших девушек. Гильза никогда не был уверен, что видел всё это собственными глазами, но ему доставляло несравнимое удовольствие только лишь представление самого себя среди десятков прожитых полувеков, даже если всё – ложь.

Он прекрасно знал несовершенства собственной жизни и

изъяны личности, но благодушно пренебрегал ими, чувствуя абсолютную свободу и вседозволенность, которая вполне могла быть свойственна человеку, оказавшемуся одному на целой планете. Его, конечно, заботила Судьба, но уже не так остро, как десятью или двадцатью годами ранее. Главное – можно было лелеять свои прихоти, создавать маленькие ритуалы и наслаждаться имеющейся властью. А Гильза считал своё дело – проявлением величайшей силы, а, значит, и достойным наделяться тем уровнем могущества, какого захочется. Тем более что тех, кто мог остановить Симеона – попросту не существовало.

По-кошачьи растягивая шаг, он плыл вдоль тёмных витрин, напевая одну из тех мелодий, которые так любит народное творчество: лихую и незамысловатую. Гильза нахватался столь нехарактерного для него фольклора в путешествиях: отчего-то именно эти простодушные напевы западали в память и потом всплывали в моменты расслабления, напоминающего счастье. Проще говоря, сейчас экзорцист был спокоен и чувствовал себя в безопасности. Хотя он всегда так себя ощущал: не имея противников, не имея друзей и врагов, Симеон мог позволить самое дорогое – независимость.

– Сколько раз я говорил: не приезжай среди ночи, – бормотал он под нос в те минуты, когда не пел. – Или бронируй гостиницу заранее. Сиги – ты нестерпимый дурак. Твоя змеюшка, бедолага, вынуждена терпеть столь беспечного хозяина. Думаешь, её благодушие бесконечно?

Привычка говорить с собой – приобретение последнего времени. Оставшись в полном одиночестве, Симеон Гильза сначала страдал молча. Позже научился выговаривать накопившееся первому попавшемуся предмету мебели, гардероба и даже еде. Они, конечно, не откликались. И тогда Сиги проникся дружескими чувствами к змее, иногда ловя себя на мысли о слишком ярком желании одушевить её. Общение – роскошь.

– Кажется, мы пришли. Да, малышка? – шепнул он с улыбкой, притормаживая около небольшой двухэтажной гостиницы. – Полуночники.

На мгновение Симеон отвлёкся от созерцания не совсем изящной дверной ручки и чуть подсобрав губы, как перед неумелым поцелуем, то ли прислушался, то ли принял.

– Как ты смотришь, моя дорогая, на то, чтобы пройти до угла? Кажется, намечается нечто интересное...

Змея, конечно же, смотрела на прогулку положительно: у неё никогда не бывало выбора, да и к хозяину она питала исключительно сладковатые на вкус чувства. Иначе и быть не могло – он её надежда и оплот спокойной, сытой жизни, а гладкое, мускулистое тело могло согреть, приютить и подарить ласку. Какое живое существо не любит ласки?

Поправив костюм и стряхнув невидимую пыль с высокого, широкого ворота из искусственного меха, напоминающего отворот водолазки, Гильза прошествовал до угла дома в полном молчании. Он умел сосредоточиться, если того тре-

бовала ситуация или когда чутьё обещало великое наслаждение. Удовольствие, ради которого Симеон продолжал скитаться по городам и странам, – давно уже стало смыслом его жизни, единственной причиной, которой он мог объяснить самого себя. И чем дольше ему приходилось оставаться без любимого дела, тем хуже откликался разум.

Из темноты переулка раздались едва слышные осторожные шаги, которые для слуха утончённого, привыкшего различать бесчисленные грани звука, говорили о многом: об изнеможении идущего, о его безразличии к месту, погружённости в собственные, отнюдь не радостные, мысли. Приосанившись, Симеон поиграл с выражением своего лица, приняв самое благодушное, как наиболее подходящее, и сделал широкий смелый шаг, едва не налетев на хрупкую девушку в коротенькой курточке, выходящую из переулочка.

– О! Простите великодушно, – мягко произнёс он, с удовлетворением отмечая печать испуга на миловидном лице.

– Ничего, – медленно проговорила девушка, зачарованная взглядом Гильзы. Ох, эти его чёрные глаза, специально для таких ночных встреч придуманные! В обрамлении густых ресниц и с канатиками широковатых бровей над ними, – призваны были удерживать внимание.

– Не боязно вам одной бродить по тёмным улицам? Хотите, провожу? Немного, до угла? – не дожидаясь ответа, Симеон подхватил её под локоть и потащил через дорогу, игнорируя мигающий жёлтым светофор.

– Нет-нет! Не надо... – попыталась сопротивляться она, но было поздно. Как и всегда в таких случаях. Гильза умел обольщать, соблазнять и много чего ещё. Вот только никогда не доводил дело до постели, – ему это было ни к чему, да и цели экзорцист преследовал иные. Но сам процесс безумно будоражил его тёмное нутро, пробуждая самодовольство, достойное любого красавца из древнегреческого Пантеона.

– О, я вижу вы кем-то сильно обижены... – как ни в чём не бывало продолжал Сиги.

– Не ваше дело.

– Да что вы?.. Конечно, теперь и моё. Ведь если бы не эта обида, мы бы с вами не встретились... Знаете, – он притянул спутницу ближе к себе и заговорил на полтона тише, – я считаю, что девушек вообще нельзя обижать... Но мужчины иногда так глухи и слепы к чувствам тех, кто рядом... Привыкли только брать. Наглеют со временем и начинают вытирать ноги о любимых. А вы, конечно же, пытались быть для него самой лучшей, пытались создать уют и заботились...

– Он сказал, что разлюбил меня! – сдалась она всхлипнув.
– Как это? Ну как? Я же не уродина! Работаю, у меня образование... Я для него всё-всё... А он...

– Нашёл кого-то попроще? Да? – участливо лил елей в уши Симеон, всеми силами скрывая довольную ухмылку. Всё так. Всё по плану. Каждый раз... Ну что за люди?

– Помоложе! А я столько лет на него положила!..

– Может, стоит отомстить?

– Глупость.

– Ну вам же хочется сделать ему больно? – Симеон остановился рядом с тёмными витринами продуктового магазина и с самолюбованием бегло глянул на отражение. Он был на полторы головы выше девушки, одетый в чёрное, что казался прогалом среди леса. Сгустком самой чёрной черноты в мире.

– Наверное...

– Не надо сомневаться, – он склонился над ней, готовый к тому, чтобы изгнать из хрупкого разума и открытой души остатки жалости к тому, кто заставил страдать. Вытеснить. Не дать хорошему вернуться, заполнить свободное место зёрнами злости и желанием мести. Очернить. – Просто делайте...

Симеон Гильза, тысячи раз выполнявший этот трюк, не сплеховал и в эту ночь. Его печально-прохладные губы коснулись горячего лба девушки так нежно и осторожно, что на несколько секунд она перестала дышать и видела перед собой только непонятное розово-серое свечение. А когда очнулась от едва ощутимого запаха тухлятины, пробирающегося в нос, рядом уже никого не было. Только пустота спящих улиц, только тишина и далёкое завывание ветра.

Сиги не вернулся к гостинице, а с совершенно довольным выражением лица продолжал своё немое шествие по улицам города, пытаясь вспомнить название. Топографические его познания были великолепны, но память на имена собствен-

ные странным образом прихрамывала. На самом деле, и Симеон вполне соглашался с этим, он просто не хотел фиксировать внимание на таких мелочах, чтобы не привязываться. Ему, в общем-то, хватало и безраздельной любви к родному городу, к городу, где он повстречал своего теперь уже сгинувшего друга, да ещё к парочке значимых мест. Впрочем, его непонятно долгой жизни хватило бы на то, чтобы никогда не возвращаться в одну и ту же точку дважды.

Нет, Симеон Гильза не был бессмертным, он просто не умирал вот уже... Сколько? Сиги не помнил. Прошлось из его памяти так же просто, как мел с чёрной школьной доски, оставляя лишь размазанный белёсый туман и пыль.

Остановившись у первой попавшейся лавочки, Гильза задумался. Не такую уж большую работу он провёл с этой обиженной девушкой, чтобы устать. И чувствовалось ему, что сделал он своё дело в этот раз плохо, оставив в душе несчастной каплю светлого всепрощения, до которого не стал дотягиваться. Поленился.

– Сиги, – шепнул он себе, – ты халтуришь. Будешь так действовать, вскорости сляжешь с приступами мигрени или того хуже, – с сердечной болью. Пожалел? Старик... А в самом деле? – Симеон осторожно сел на край скамьи, недоверчиво проверяя надёжность деревянных перекладин запущенного вида. – Торопился? Некуда было спешить. Испугался? Да разве я чего-то боюсь? И не заметить не мог. Понял

же, что оставил кусочек. И всё равно ушёл... Ну точно, жалость. Надо было выспаться для начала.

С тяжёлым вздохом он, несколько разочарованный собой, откинулся на спинку лавки и прикрыл глаза. То, что Симеон забирал у людей, недостаточно было изъять, следовало ещё переработать – получить «питание» для себя, а всё прочее... Отдать. Куда, кому – когда-то Гильза всё это знал, но чем дольше скитался по свету, тем яснее понимал, что если энергия, чувства, эмоции, мысли и даже знания и уходили куда-то, то в необъятные просторы Вселенной. Священный великий *баланс*. Где-то убыло, значит, где-то прибыло. А с учётом того, что в этом мире ничто не исчезало бесследно и не появлялось из ничего, то все вопросы сразу рассеивались, толком не успев оформиться.

Так что Симеон давно уже не спрашивал себя кто он и зачем всё это делает. Единственным способом выживания осталось одно – изымать, оставлять себе и передавать дальше. Может, всё добро, что он извлекал, собиралось в огромные накопители-мешки, или бочки, или озёра (каждый раз, когда Гильза думал о происходившем всерьёз, придумывались новые и новые метафоры) и когда было нужно – забиралось оттуда, переправляясь в те места, где в нём нуждались.

Противоречивым казался лишь тот факт, что он, Симеон Гильза, экзорцист-наоборот, выживал за счёт полученных светлых чувств и эмоций, тогда как нёс исключительно зло, подсвечивая и вытаскивая на поверхность тёмные стороны

души. Считал ли он себя отрицательным героем в этой пьесе? Нет. Да и положительным – тоже. Сиги давно привык абстрагироваться, чем сейчас и занимался, снова принимаясь напевать себе под нос народную песню какого-то северного народа, проживающего не то в Норвегии, не то в Финляндии.

Змея, почувствовав настроение хозяина, выбралась из своего убежища и обвилась вокруг плотного мехового воротника, пытаясь проникнуть внутрь, – к тёплой шее. Симеон расстегнул застёжки, впуская верную спутницу в её излюбленное место, и снова погрузился в полусон. В эти моменты, после изъятия, он всегда видел одно и то же: переливчатые облака разных приглушённых цветов и проникающий сквозь них отсвет далёкого рассвета. Одно время ему казались эти образы похожими на меренгу, потом – на взбитые сливки, на морскую пену, на нежный мрамор изящных статуй; иногда видел он в них лёгкую органзу подвенечных платьев, или туманную дымку над лавандовыми полями Прованса. Сегодня же Гильза не мог отделаться от образа лебяжьего пуха. Неважно, что оттенки его нереальны. Да и всё прочее вдруг потеряло значение, как и всегда теряло, когда Сиги проваливался в спокойный, тягучий сон после работы.

В ушах звучали далёкие восточные напевы, сопровождаемые отстуком барабанов. Что-то трагичное, наполненное болью поколений, их сожалением и горем слышалось в женском пении, больше похожим на плач. Симеон смутно припоминал, где он мог встречать эту выворачивающую душу

песнь. Это было слишком давно... Непростительно давно. Гильза легко мог представить себя бедуином, затерявшимся в песках. Магриб. А, может, горцем, прислушивающимся к пению скорбящих о потерянных в боях мужьях? О чём был этот плач? О ком?

Может быть, о нём? О Симеоне Гильзе? Когда он ещё звался другим именем.

– Молодой человек! – раздалось над самым ухом скрипучим голосом, приправленным влажным ветерком. – Ау!

– Что такое? – Сиги приподнял веки и попытался разобратъ обращённую к нему старческую речь, всё ещё ловя отзвуки далёкого плача.

– Не замёрз часом?

– Нет, бабушка.

Симеон наконец-то рассмотрел престарелую даму в затёртом синем пальто, упрямо высматривающую в его лице что-то только ей известное.

– Ну, смотри. Я уж думала, не околел ли. Сидишь, не шелохнёшься. Одет-то хорошо, не бездомный, видать.

– Просто устал, бабуль.

– Такой молодой, и устал?

– Всякое бывает, так ведь? Вам ли не знать, – Гильза приосанился, стряхнул капельки воды с воротника и чуть приподнял бровь, пытаясь сдержать ухмылку. Бабушка в этой жизни, действительно, повидала немало. И лет на двадцать раньше Симеон мог бы прилично всего из неё изъять, но

не теперь. Хотя попытаться очень хотелось. После ночной встречи ему полегчало, и он чувствовал небывалую силу и задор. На несколько часов всего, да и неважно.

– Ох ты, какой дерзкий. Невоспитанная молодёжь пошла... Безобразие. И кто их воспитывал? – бабуля, мгновенно потеряв интерес к Сиги, поплелась дальше, прижимая к себе пустую авоську.

– Идите, бабуля, – шепнул ей вслед Гильза. – Идите... Я сытый и добрый. В следующий раз – не будите.

Ловко поднявшись, он потянулся и глубоко вдохнул свежий утренний воздух, по какой-то неизвестной привычке, рождённой скитаниями по безлюдным местам, где спутниками выступают только ветер, солнце, луна и собственные мысли. Насытившись свежестью до предела, Симеон запустил руку во внутренний карман полупальто, нежно погладил любимую змею, улыбнулся и направился в сторону гостиницы с единственным желанием – принять душ и переодеться.

Сам Сиги всегда удивлялся, как так получалось, что багажа у него было слишком много для того, кто не имеет дома. Лукавость его заключалась в отрицании своей любви к исключительным нарядам и мелочам в них же: изысканная штучная вышивка на воротниках рубашек и отворотах пиджаков, тончайшие кашемировые свитера с высокими воротами, украшенные таинственными узорами, пояса ручной

выделки, браслеты, кольца, подвески. Среди кожаной обуви, пошитой вручную, путешествовала единственная трость, которой Симеон никогда не пользовался, но любил поставить рядом с креслом и любоваться набалдашником слоновой кости, изображающим морскую волну.

В общем, все его пожитки, заботливо уложенные в кофры, чехольчики и коробочки, погружались в тяжёлые чемоданы и путешествовали следом за своим хозяином. Сиги считал же себя эволюционно-продвинутым подобием рака-отшельника, таскающего за собой собственный дом, если допустить, что домом являлись вещи, создающие атмосферу. Так что в любом месте и в любое время, Симеон чувствовал себя спокойно и уютно, превращая временное пристанище в чуть ли не родовое гнездо.

Привычно отметившись на стойке регистрации, Гильза заселился в номер, где его уже ждал багаж. Самым лучшим моментом своих поездок он всегда считал именно этот – разбор чемоданов. Каждая вещица занимала место согласно только Симеону известному плану: пиджаки, рубашки и брюки – в шкаф на вешалки, прочее – на полки, обязательно по цветам и сезонности; мелочи навроде украшений – в ящички комода, а небольшой сундучок резного чёрного дерева, заполненный песком, обязательно помещался на подстилку с подогревом рядом с окном. Безымянная спутница Сиги любила днём вздремнуть именно в таком месте, напоминающим ей о родных просторах. Во всяком случае сам эк-

зорцист хотел бы так думать. А, поскольку, он часто оставлял змею одну, то сердце требовало знать, что условия при этом – самые лучшие.

Итак, когда каждая маленькая деталь оказалась на своём месте, а Симеон преспокойно отправился в душ. Единственное, что он переносил с трудом, так это необходимость мыться тёплой водой, и если бы тело справлялось с низкими температурами, то вообще не использовал бы кран, помеченный красным. Каждый раз Гильза боролся с желанием как можно дольше находиться под струями воды, смывая усталость, мрачные мысли и грязь, и с ненормальным стремлением поскорее избавиться от ощущения стекающего по коже тепла. И чаще всего случалось так, что он выскакивал из душа, забыв выключить воду, стоял какое-то время, справляясь с дрожью, а уж после – выворачивал краны, растирался мягкими полотенцами и доводил свой внешний вид до привычной нормы: чистил зубы, брился, укладывал волосы под настроение. Иногда Сиги зачёсывал свои густые чёрные пряди длиной сантиметров пять набок, реже – назад, к затылку, используя расчёску с широкими зубцами, и уж совсем практически никогда – на прямой пробор.

Сейчас всё и случилось по привычному сценарию: душ, дрожь, острая, опасная бритва в жилистых руках и укладка на косой пробор. Сиги по привычке сбросил с себя полотенце и нагишом забрался в мягкую, свежую постель, источающую аромат лаванды.

– За неимением лучшего, – пробормотал он. – Что за странная история с этой лавандой? Не Прованс же за окном, ей-богу. Могли бы надушить бельё ромашкой. А ещё лучше – пижмой. Почему никто не использует пижму как ароматизатор?

Сиги с удовольствием слушал звучание собственного голоса, играя с тембром, скоростью, то добавляя хрипотцы, то слегка приглушая его, переходя на таинственный полушёпот. Змея скользнула под одеяло и выбралась из него аккуратно на груди Симеона, обвила шею, перемещаясь на вытянутую руку. Гильза любовался ею: блестящей чешуёй, узором, яркими янтарно-апельсиновыми глазами и быстрым, ловким языком.

– Ты прекрасна, моя дорогая...

Если бы змеи умели разговаривать, пусть не все, хотя бы одна, – подруга Сиги, – сказала бы она ему что-нибудь в ответ? Благодарность? Или, может, назвала бы его таким же прекрасным? Считала ли она своего хозяина чудесным? Бывало, Симеон думал об этом, как и многом другом, но как только доходил до момента, где надо было дать оценку самому себе, или своим поступкам, констатировать очевидный факт, он непременно находил другую тему для размышлений или вовсе бросал всё и уходил гулять. Тогда Гильза мог часами кружить по улицам, вытряхивая из себя всё, что успел подумать.

Но сегодня этого не требовалось: и он сам, и его змея на-

ходились в самом благостном расположении духа, а потому приняли решение наиболее очевидное и разумное – легли спать. Одна ночь Симеона всегда была похожа на другую: единственная стабильность в его жизни, проявляющаяся в полном отсутствии снов. Гильза мог видеть до утра перед внутренним взором свечение нежно-розового или сиреневого цвета, мог созерцать чёрное ничто, или плыть сквозь серебристо-серый туман. Но более – никаких образов, никаких действий, ничего. Его сознание словно выключалось, требуя подзарядки. Конечно, Сиги знал, что такое сны, и когда-то он их видел, только вспоминались они как полузабытое чёрно-белое немое кино. В них были люди, животные, места, только узнать бы их Симеон не смог – слишком размытые и старые картинки.

Гильза и не горел желанием видеть сны или вспоминать, – он не видел в них смысла, считая лишней работой мозга, мешающей полноценно отдыхать, пусть отдых и был больше похож на забытье. Оно не так пугало, как возможные игры подсознания, оживляющие то, что никто не захотел бы увидеть снова. Симеону плохо помнилось, что именно такого ужасного было в его прошлом, что он боялся его больше, чем смерти, но предпочитал не знать. Желательно – никогда. Но нет-нет, да и прорывались кошмарные сцены в его приятное ночное или дневное забытье. Случалось это крайне редко и чаще всего предвещало серьёзную болезнь – *недуг*.

Цикличность. Раз в несколько лет недели две или три Си-

ги болел: его настигали абсолютное бессилие и следующая за ним беспомощность, он целыми днями лежал в постели, выбираясь к окну только ближе к ночи – яркий дневной свет обжигал уставшие глаза, сыпал в них песок и брызгал чем-то химическим, заставляя литься слёзы. Дышать Гильза тоже мог с трудом, будто лёгкие его оказывались наполнены влажной ватой. Выживать приходилось на воде и крепком чае, если находились силы его заварить. В целом, – не самая невыносимая расплата за деятельность. Причины болезни крылись именно в этом – в переполнении сердца Сиги тем, что он умудрялся вытащить из людей.

Симеону всегда казалось несколько странным, что, получая исключительно доброе и светлое, он никогда сам таким не являлся. Всё, что попадало в него, – окрашивалось в тёмные цвета, поглощалось бездной его души, очернялось и угнеталось. Только та крохотная часть, которая есть у любого человека, непоколебимая, *константа* – искра добродетели, – не позволяла изжить себя. Потому и приходил *недуг*. Очищение. Сиги знал, что для великого *баланса* он так же необходим, как и те, кто полностью ему противоположен. Только вот не встречались они уже очень давно. Настолько, что Гильза строил догадки: а не сгинули его отражения со свету? Вполне могли. Как и он сам.

Но сегодня, в этот не самый серый день, всё было спокойно. Привычно. Будто кто-то пишущий судьбы, вывел прекрасное тождество и наслаждался знаком равенства. День и

ночь. Свет и тень. Добро и зло. Всё едино и равно, а Симеон Гильза – лишь переменная, уравновешенная другой, стоящей по иную сторону и отличной, может, знаком или коэффициентом. И пока тождество будет выполняться, мир Сиги будет принадлежать ему. И никому более.

Успокоив себя этой мантрой, экзорцист сквозь полуприкрытые веки рассмотрел змею – она забиралась на своё законное место – отметил время на больших настенных часах и продолжил падение в бездну не-сна.

Симеон не мог бы точно сказать, сколько ему лет, но с каждым прожитым годом чувствовал себя старше. Это ощущение напоминало ему понемногу пребывающую усталость путника, поднимающегося по каменным ступеням без остановок. И чем больше лет помещалось в эфемерную копилку Сиги, тем дольше он предавался исцеляющему отдыху. Так что глаза он открыл только на следующее утро – голодный, но бодрый.

Чувство удовлетворения и привычного превосходства, хоть и крошечного, грело тёмную душу Гильзы в ранний час очередного полупустого дня. Спешить ровным счётом было некуда: ни работы, ни семейных забот у Симеона не существовало. Сам себе хозяин, – он распределял время сообразно желаниям и потребностям, но чаще всего в строгом соответствии с давно выработанным графиком.

Лёгкая разминка перед раскрытым окном.

Водные гигиенические процедуры.

Крепкий кофе.

Самый приятный момент: выбор наряда. Сегодня Сиги облачился в чёрные брюки и рубашку с вышитыми по вороту черешнями, дополнил образ рубиновой подвеской, искусно изображающей человеческое сердце, пронзённое серебряной стрелой. И, несколько озадаченно изучив своё отражение в зеркале, выудил из бархатной коробочки бордовый кожаный пояс.

– Сойдёт. Не станем сильно выделяться, – Симеон улыбнулся, обращаясь через плечо к спящей змее, и вздохнул.

Далее спокойное изучение карты: Гильза заранее отмечал локации, куда хотел бы наведаться. Его интересовали места людные, полнящиеся эмоциями и чувствами, мыслями; кроме того – места, отличающиеся заброшенностью или обыденностью. Они составляли список запасных на тот случай, если «улов» окажется слишком скудным. Заодно заветные красные точки появлялись и рядом с названиями кофеен, ресторанов, изредка – музеев и антикварных магазинов. Сиги имел привычку тешить свою ленивую тягу к знаниям.

Пока Симеон собирался, пока придирчиво застилал постель и вытирал зеркало и кран в ванной, во избежание разводов и белёсых пятен от воды, минутная стрелка совершила полный оборот и ещё половину, – время близилось к обеду. Оставив змею в номере, Гильза выбрался на улицу, захватив любимое полупальто с высоким меховым воротом – всё же

погоды стояли прохладные.

Нижний Новгород. Сиги не нравилось это название, но сам город – воодушевлял. Молодое население, активная жизнь, чистота и красота. Практически всё, что требовалось для успешной работы экзорциста, собралось на берегу широкой реки, название которой Гильза постоянно забывал, а позже вспоминал, что рек на самом деле – две.

– Позорный склеротик, – шептал он себе, проплывая мимо витрин и полупустых забегаловок. – Но такая забывчивость простительна. Я слишком стар.

Губы его сложились в едва различимую улыбку, тронутую туманом меланхолии, и снова сжались. Непривычное и сбивчивое ощущение тревоги, перемен витало в воздухе, обрушивая на Сиги всё новые и новые мысли, слишком свежие и революционные. Думалось ему о свершениях, которые раньше никогда не прельщали, хотелось взять и если не перевернуть, то немного сместить привычный режим и алгоритм. По-шат-нуть. И пошатнуться самому.

– Что ж... Пора бы подкрепиться... – Симеон поправил воротник и засунул руки в карманы. – Не веди себя как вампир, стыдно подумать... Подкрепиться! Ну уж нет... Изгнать! Удалить. Вытащить! Извлечь...

Слишком хищный взгляд его напугал пробегающую мимо девушку, отчего она сильно дёрнулась в сторону и чуть не угодила на проезжую часть. Сиги только хмыкнул – всегда они так, люди. Чуют его нутро, чуют рядом бездну ужа-

са, в которую с радостью готовы окунуться, дай только волю, всего лишь надави пальчиком. Никто ещё не сдался под натиском экзорциста, ни один человек не сопротивлялся по-настоящему, с удовольствием утопая в злости, зависти, ревности и даже в унынии. Конечно, все они помнили про заповеди, про грехи, даже те, кто не верил ни в одного бога. Даже те, кто проповедовал жизнь праведную и считал себя добрым. Так что каждый раз Гильза ловил себя на радостном сожалении: работа всегда ему нравилась, но жаль было получать желаемое настолько легко. Если так пойдёт и дальше, то никаких экзорцистов не понадобится – люди сами сделают их дело. Натянут на себя полог тьмы, растворят всё светлое и доброе, что пока ещё живёт, и без должного огорчения принесут в жертву.

Сиги всегда удивлялся, как легко люди расставались с тем, чем по природе своей обязаны дорожить. Можно излечить ногу или руку, можно пересадить новый орган, но нельзя получить новую, чистую душу. Этот жизненный светоч – ценнее всего на свете, и так беззаботно очернялся, угнетался болезнями и травмировался, будто бы у каждого в запасе ещё с десяток. Симеон же своей душой дорожил так, что боялся лишний раз её тронуть. Великая драгоценность. И пусть внутри тоже имелась та самая *константа*, слабый отблеск вселенской искры, подарившей жизнь и свет... Пусть. Но пока душа его на месте, пока она в безопасности, – Гильза тоже жив.

На углу, перед светофором, ругались двое: женщина средних лет и старушка. Предметом раздора стала, как это ни странно, трость. Кажется, именно этот старый кусок дерева задел спешащую на переход даму, конечно же, не просто так, а исключительно по злой воле владелицы. Одна доказывала другой, что возраст – ещё не повод вести себя нагло и размахивать палкой из стороны в сторону; вторая же сторона оправдывалась тем, что руки уже плохо слушаются, а глаза – почти не видят, и вообще она никуда не спешила, шла себе спокойно, а тут из-за спины... И так далее и тому подобное.

Сиги, довольный идеальным совпадением, решительно подошёл к женщинам с самой благодистой улыбкой, на какую был способен, и с лёгким полупоклоном принялся за работу:

– Доброго дня, милые дамы. Как вижу, у вас возник конфликт... Да простите мне моё вмешательство, но вы обе – правы, – прошелестел Симеон, смущая взглядами собеседниц. Они было открыли рты, чтобы ответить, но он не дал им и капли шанса, проникая в самые сердца и чертоги разума, выискивая мрачные дорожки и узкие тропки к тёмным уголкам души, что, конечно же, не составляло большого труда. Лёгкая добыча. Изгнать. – Молодость не терпит старости, не так ли? А старость завидует молодости. Конечно, что одно, что другое, – предельно относительно. Но мы же с вами понимаем, что не стоит превозносить ничего из этого, но вполне в человеческом характере – презирать. Недостойное по-

ведение дам более молодых, равно, как и поведение дам преклонного возраста, – оправданно. Но вовсе не должно оставаться безнаказанным. Прошу вас, милые, выскажите друг другу всё, что накопилось. Зло не должно оставаться внутри...

– Да вы не в себе! – пискнула та, что помоложе. – Вот нахал!

– О! Благодарю покорно... Но предмет вашей ненависти вовсе не я, – продолжал елеинно напевать Гильза, всё больше воодушевляясь количеством темноты в сердце женщины. Всё доброе и светлое она с удовольствием отдавала ему. – Посмотрите на эту прекрасную старушку! Каковы её годы, а уважения и понимания – ноль!

– Да это у вас, молодой человек, ни капли уважения! Вот ведь молодёжь пошла, нет бы помочь, заступиться! А он что? – оторопела старушка, сверкнув глазами гневно и упрямо. – Подпевала! Вырядился! Небось из этих?

– Иностранец я, бабушка... Спасибо! – улыбнулся Сиги, вытягивая последнее, что мог, и, снова раскланявшись, смело шагнул на мокрую зебру, дабы оказаться по другую сторону от разозлённых женщин.

Вот так, шаг за шагом, Симеон Гильза, продвигаясь в сторону кафе, где собирался отобедать, «подрабатывал». Одной девушке шепнул, что парень засмотрелся на чьи-то прелести, едва прикрытые короткой курточкой. Пареньку лет тринадцати, — указал на одноклассника, красующегося доро-

гим телефоном. Молодой мамочке с коляской напел о том, какой замечательный муж у её подруги – гуляет с малышом, ходит в магазин и успевает много зарабатывать, – сейчас ведь нет проблемы обустроить быт и наслаждаться воспитанием отпрысков. Капля за каплей, грамм за граммом, вытягивал Сиги из людей то доброе, что ещё оставалось. Выбирал он жертв из стоящих на грани, готовых прыгнуть в бездну, стоило только подтолкнуть.

Совершенно довольный собой и последней встречей: с девушкой, убеждённой в неправоте родителей, отказавших в оплате обучения, – Симеон, прикупив в цветочном магазине букет едва раскрывшихся пионов, звякнул дверным колокольчиком и занял столик в полупустом зале кафе.

Пока готовился заказ, Сиги посматривал на малочисленных посетителей, но совершенно пустым взглядом. Ему вовсе не хотелось сейчас выяснять, – подходят ли они для изысканий, или нет. Гораздо приятнее было просто раствориться в этом послеобеденном часе, распределить вытянутый свет и обдумать ближайшее будущее. Вот этого Симеон как раз и не любил. Миллиарды людей, тысячи городов, – никаких сомнений в том, что не оскудеет поток нечистот душ человеческих, а, значит, какой бы маршрут ни проложил Гильза, какую бы страшную гадость ни вытащил на поверхность, – всё будет ладно, всё будет подходящим.

Сиги наслаждался салатом, задумчиво изучая наполнение тарелки: он был равнодушен к овощам и фруктам, любил

рыбные стейки, жареный сыр и чай. Особенно – чай. Но, следуя негласным правилам, считал необходимым питаться разнообразно. Подали рыбу. Симеон с улыбкой принял тарелку и наконец-то расслабился. День обещал приятное, сытое продолжение.

Звякнул колокольчик на двери – так же, как и от собственной его руки чуть раньше, и Гильза не обратил бы внимание на входящего, если бы не ощутил знакомый запах. Чернила и луговая свежесть. Отложив нож и вилку, он медленно поднял взгляд и понял, что рано, слишком рано понадеялся на тихий вечер. Но и обрадовался, что не стал строить никаких планов.

В длинном бежевом пальто, небрежно подпоясанном, к нему вальяжно подбиралась довольно высокого роста девушка с пшеничными волосами, будто написанная по классике картина. Идеальный образ идеального существа. Она холодно улыбнулась, заметив взгляд Сиги. Он ответил тем же.

Ласково проведя кончиками пальцев по спинке соседнего стула, гостья мягко опустилась напротив Гильзы. Воцарилось молчание. Столик и его окружение тонули в ароматах луговых трав, перебиваемых запахом самых настоящих чернил. Симеон напряжённо ждал, косясь на рыбу, – хотелось есть.

– Зачем ты их всё время покупаешь? – девушка кивнула на нераскрывшиеся бутоны пионов из букета, брошенного Сиги на широкий деревянный подоконник.

– Нравятся.

– Интересно чем?

– Они как зародыши грехопадения. Смотри, какие милые и почти невинные. Чуть-чуть проглядывает будущая красота и соблазн, – он вдруг вспомнил пошловатую ассоциацию, которую считал невероятно изящной, и с лёгким смешком добавил: – когда смотрю на них, вспоминаю женскую грудь.

– Я знала, что ты извращенец.

– Сама спросила, – Симеон поддел самый крупный бутон, пропустив стебель между пальцами, и вытянул цветок на себя. – Вот так я и поступаю, когда вижу нечто соблазнительное... Забираю себе, – поднеся цветок к лицу, он вдохнул будоражащий травяной аромат и улыбнулся.

– Больной.

– Профессионал.

– Банально.

– Не завидуй.

– Ох, Сиги... Годы тебя не меняют...

– А должны?

– Было бы неплохо, – девушка скинула пальто с плеч и поправила неглубокое декольте кашемирового свитера цвета наисвежайшего крем-брюле. На конопущчатой шее блеснул кулон, такой же, как у Гильзы, только сердце было выточено из белого топаза.

– Что ты здесь забыла, дорогая моя... Хм... Как тебя

звать сегодня? Свала¹, Идиллия? Или, может, запомнято-вал... В прошлый раз ты представлялась сложным каким-то именем...

– Льот. Та, что наполняет светом.

– Ох ты ж! А я думал – Идунн².

– Слушай, Сиги!

– Ладно-ладно, **И**ду... Хочешь есть?

– Нет. А вот пить – да, – Идунн схватила его кружку и осторожно отпила. – Неплохо.

– Интернет – великая вещь. Сложно ошибиться с выбором заведения.

– Скольких ты сегодня выкачал? – она облокотилась на стол, подпирая нежный подбородок ладонями. Глаза сверкнули небесным светом, чистым и ярким, озаряя бледное лицо розоватым румянцем.

– Сама посчитай. Ты ведь для этого здесь?

– Просто соскучилась...

– Так и не научилась врать. О! Смотри-ка, – Симеон указал на улицу через окно. – Первая жертва в этом городе. Ночная.

Идунн приподняла стул, осторожно переставила его ближе к Гильзе и села так, что они касались друг друга плечами.

¹ Скандинавское женское имя означающее ласточка.

² В скандинавской мифологии Идунн – богиня вечной молодости, хранительница магических яблок, которые поддерживают молодость и силу богов Асгарда. Имя Идунн (Ídunn) может означать «обновляющая». В некоторых источниках также встречается толкование как «вечно молодой».

Сиги только хмыкнул, не без удовольствия втягивая носом воздух, до предела насыщенный знакомыми ароматами.

– Ты – зло во плоти, – недовольно фыркнула Иду, тем не менее не отодвинувшись ни на сантиметр.

– Да ну, смешно. Не утрируй.

– Посмотри, что ты творишь! Это же ужас...

– Боже мой... Я это творю уже сколько лет? И мир не то, что не рухнул, – даже не пошатнулся. Это моё дело, а ты делай своё, – Сиги ухмыльнулся, ожидая ответного выпада, но его не случилось.

– Всё равно как-то жаль...

– Кого?

– Да тебя! Дурак.

– А чего меня жалеть, скажи, пожалуйста? Я люблю своё дело. И посмотри на результат! – он снова указал через окно на противоположную сторону улицы, где в растерянности стояла миловидная женщина. – Просто посмотри на её взгляд! Разве теперь она даст себя в обиду? Да никогда! Ей теперь всё по плечу. Через полгода ты не узнаешь в ней ту забитую терпилу, которой она была.

– Она была доброй... Это важнее.

– Ну конечно! – разозлился Симеон так, что неудачно поставил кружку с чаем на столик, расплескав немного драгоценной жидкости. – За добро убивают и издеваются! Она была несчастной! И вообще, ты зачем пришла? Убедить меня в том, что я делаю нечто ужасное? Может, тебе зеркало дать,

чтоб ты сначала на себя глянула?!

– Лучше б, действительно, не приходила.

– Да.

Гильза отвернулся, но знал, что секунд через тридцать нежная гостья обязательно прикоснется к его ладони, осторожно погладит ставшую за жаркое лето грубоватой кожу, и, выхватив из букета самый крошечный пион, покинет кофейню. Так и случилось. Только в этот раз она никуда не ушла.

– Сиги, – прошептала Идунн, смело поигрывая пальцами в ладони экзорциста. – Нам нужно поговорить.

– А сейчас мы что делаем?

– Не здесь, пожалуйста.

– Иду! Оставь меня в покое. Ты на кого-то взялась работать?

– Нет же... Ты сам знаешь, что мы все давно уже сами по себе. Никого не осталось. А работа... Наверное, она стала привычкой.

– Говори за себя. Я никогда толком не понимал, кто ты и чем занята. Зачем ты?

– Для баланса.

– Ну, конечно. Ты простой наблюдатель.

– А как же Льот?

– Ты потеряла это имя! Уходи, Идунн. Не бери мою душу...

– Сиги, пожалуйста. Мне нужно всего-то пару минут, чтобы сказать тебе всё. Только не здесь, не на людях, – она за-

искивающе взглянула в его глаза и осторожно сжала пальцы.
– Две минуты. Здесь недалеко сквер.

Расплатившись, Симеон Гильза, как благовоспитанный позёр и внимательный спутник, помог Идунн надеть пальто и, подставив свою руку, вывел на улицу. Их встречи никогда не были исключительно дружескими или окрашенными в коричневый вражеский цвет. Они занимали середину, то склоняясь в одну сторону, то в другую. Внимание Иду, обращенное к Сиги, представляя собой её прямые обязанности, угнетало и напрягало, но в то же время не беспокоило, – баланс, так баланс. Но коллеги, вынужденные работать бок о бок долгие и долгие годы, непременно становятся более близкими, чем должны бы, и знают гораздо больше, чем стоило. Это происходит случайно, как закономерное последствие плотного взаимодействия, участия и наблюдения.

Идунн, в ту пору, когда ещё носила имя Лют, оказалась не просто свидетельницей возможного падения Симеона. Она знала его самую большую слабость. Провела по ней кончиками пальцев и... И придала огласке. Именно этого Гильза не мог ей простить. Никому бы не простил.

Медленно прошествовали они под руку через улицу и свернули в сквер. Пахло сыростью, ни один солнечный луч не добирался до земли, оставляя её мёрзнуть в одиночестве. Сиги не терпел пустых разговоров, особенно если не он был их зачинщиком. А сейчас в его планы не входили встречи со старыми знакомыми, Гильза вообще был бы рад, если бы все

они оказались прахом, как он и предпочитал думать.

– Недавно мне довелось побывать дома... – тихо начала Идунн.

– Это где? – усмехнулся Симеон. Где дом у таких, как она?

– Ну... Там, где я жила дольше всего. Ты ведь помнишь? Там мы познакомились.

Конечно, Гильза помнил и этот город, – Ливерпуль, – и даже мрачноватую улицу, на которой снимал дом много лет назад. Тогда ещё не думал он о тотальном одиночестве, тогда ещё мир был совершенно другим, и подобных Идунн приходилось по одной на пятерых экзорцистов. Ни о каком забвении и падении системы речи не шло, правила равновесия выполнялись безукоризненно, и мировой баланс оставался нетронутым.

– Сколько лет прошло? – уточнил Сиги.

– Не ври, что не считал, – резко отозвалась она, но тут же стушевалась, крепко сжав его локоть. – Прости.

– Продолжай. Две минуты.

– Послушай, – Идунн остановилась, перегородив Симеону дорогу и ухватила его за плечи, ловя светло-зелёными, настоящими своими глазами, взгляд. – Я была там, долго сидела среди пыли и пустоты. Вспоминала. Мне нужно было вспомнить! Одиночество не убивает так, как чувство вины. Бесконечное и горькое, как микстура от кашля... Помнишь? Я болела... Сиги! Ты должен меня простить. Умоляю. Кажется, что я не в состоянии покинуть этот мир только пото-

му, что ты не отпускаешь. Я не виновата в том, что случилось с Торнтоном! Ты ведь знаешь...

– Ты виновата в том, что не оставила всё в тайне, – сухо произнёс Гильза, в кои-то веки не отводя взгляда. Но сердце уже предательски заныло, воскрешая разложившиеся трупы из прошлого.

– Я всё объясню! Теперь могу, – она чуть пошатнулась, делая шаг навстречу Симеону, и оказалась слишком близко к нему, отчего Сиги чувствовал её тяжелое дыхание. – Если бы ваша дружба не оказалась столь порочной, столь губительной для тебя, я бы никогда в жизни не рассказала о ней никому на свете! Но жизнь Торни, как и его смерть, – одинаково уничтожали тебя! Он был мостом к разрушению. Я хорошо помню, что тогда происходило с тобой: уменьшение количества жертв, а потом выкачка до нуля, ты почти добирался до *константы*! Сиги! Ради безумных идей Торнтон, больного, ты готов был совершать преступления. Кто-то должен был это остановить...

– Спасение друга стоит чего угодно.

– Не стоит! Не стоил Торни твоей жизни! Ваша дружба не стоила твоей репутации! Если бы я не рассказала о том, что между вами было... Тебя бы казнили за соучастие...

– Он только хотел не причинять боли.

– Себе.

– Всем. Его сводил с ума *недуг*.

– Симеон! Признай же, наконец, что он просто использо-

вал тебя как прикрытие! Умоляю.

– Не стоит ворошить прошлое, Идунн. Ты поступила подло.

– Я спасла тебя!

– Зачем? – Сиги отстранился, схватил её за руки и снял их с себя. – Кто тебя просил? Это прямое нарушение *баланса*, Иду. Так за что я должен тебя простить?

– Я думала, что мы были друзьями.

– Коллегами. Твои две минуты кончились. Увы.

– Сиги!

– Уйди.

Симеон обошёл Идунн и двинулся дальше, пряча ладони в карманы. Сердце всё ещё ныло, и Гильза пытался заставить себя не вспоминать. Торни умер на его руках. Блестящий юноша, навечно сохранивший беззаботность и веру в светлое будущее, как в восемнадцать. Рыжеватые волосы, нежные, как китайский шёлк, никогда не слушались своего хозяина, и в тот злополучный день, подобно лучам солнца, разметались по старомодному ковру, на котором Торнтон умирал. Сиги пришёл слишком поздно, когда уже ничего нельзя было сделать: Торни несколько дней как не справлялся с недугом, Идунн-Льот, заглянувшая накануне, настойчиво посоветовала найти подходящего человека и всё же выудить из него частички добра, которые нужно, чтобы попробовать вылечиться. В те непростые для мира времена ничего не стоило отыскать слабую жертву. Но Торнтон не желал

этого делать. Только Сиги знал, что нежелание это убивало его уже на протяжении полугода, да и сам Симеон всё чаще склонялся к правоте друга, но побаивался так ярко следовать цели.

Силы покинули товарища Гильзы окончательно, и он едва заметно дышал, как раненая птица, устремив свой туманный серый взгляд в потолок с бессмысленной лепниной. Гильзе не оставалось ничего, кроме щемящего чувства собственной слабости и сожаления, горькой вины – мог ведь остановить Торни, мог переубедить, в конце концов – насильно вытащить на улицу. Но не сделал и этого. Любил и уважал – только эти две причины оказались на другой чаше весов.

И если бы Иду не вмешалась, если бы не перевернула всё с ног на голову... Сиги был бы казнён за укрывательство предателя, поправшего врождённые принципы экзорцизма, поставившего под удар самого себя и товарища. Укрывательство равносильно убийству. Факт глубочайшей дружбы – отягчающее обстоятельство.

Боль. Обжигающая боль разорвала грудь Сиги – такая бывает только если задеть *константу*. Он согнулся, сдавливая запястье на левой руке, чтобы унять приступ, и повалился на близлежащую скамью. Задержка дыхания могла бы спасти положение, но вспомнил Симеон об этом слишком поздно, когда ладони успели похолодеть настолько, что он перестал чувствовать собственные пальцы. Откуда-то сверху донёсся испуганный голос Идунн.

– Сиги! Миленький! Прости, прости меня, пожалуйста... Сейчас я помогу!

Он только скривил губы – это было несложно, они и так не слушались. Принимать помощь **Иду** – унинительно и опасно, потом придётся долго отмываться от ощущения её присутствия внутри. Но она всё равно принудительно внедрилась в его израненную душу, вступила в ледяную воду, погружившись по лодыжки. Со злостью и судорогой боли, Симеон шепнул:

– Не лезь!

– Ещё чего! Свалишься в недуг!

– Уйди...

Сквозь пелену воспоминаний и слишком горячего проникновения Идунн Гильза ощутил свет. Сияние константы и всполохи противоречащей ей темноты, заслонённые высокими волнами добра, чистоты и умиротворения. Сильнейший магнит для любого экзорциста. Сиги глубоко вдохнул, резко избавившись от боли, вмиг превратившейся в отдалённые раскаты грома и слабости. **Иду** отшатнулась, а Гильза встал, поправил воротник, отряхнулся и, подойдя вплотную, подцепил пальцем кулон, поблескивающий на груди коллеги – она стояла в распахнутом пальто, изумлённая волшебным исцелением.

– Никогда не лезь ко мне в душу. Ясно?

– Сиги? – прошептала **Иду** и застыла на вдохе, всматриваясь в его пьяняще чёрные глаза.

– Жаль, ты не ангел... – одними губами вымолвил Симеон, отпуская кулон. Его всё ещё ледяные пальцы скользнули к отчаянно бьющейся на шее Идунн венке и чуть надавили. – Береги своё сердце, Льот... Малышка.

С этими словами он привычным движением спрятал руки в карманы и бодро зашагал к выходу из сквера, оставив Идунн в недоумении. Свет, который ещё чувствовал Сиги, затмевал всё: и воспоминания, и тревожные глаза Иду, и даже ощущение слабости после приступа. Образ Торни, и тот, внезапно померк. Цель же становилась только ярче, и Гильза всё смелее следовал к ней.

На противоположной стороне улицы развернулось забавное действо: фотографы расставили камеры и оборудование, с места на место перебегали визажист и стилист, суетно, но со знанием дела поправляя макияж, причёску и костюм молодого человека, выполнявшего роль модели. Сиги внимательно изучал его, пока ждал зелёный сигнал светофора: в голове словно заполнялась табличка. Рост не менее метра восьмидесяти сантиметров, телосложение худощавое, кожа бледная, с намёком на рыжеволосость владельца. Волосы светлые, почти белые, с небольшой долей желтизны, оттеняющие острые черты лица, выплавленные в бесконечных самоограничениях и физическом труде. Тонкий нос, средней величины глаза. Взгляд зацепился за выразительные, длинные узловатые пальцы и яркие, почти чёрные брови.

Симеон, не тратя ни секунды собственного времени, но

бесцеремонно отбирая его у других, пересёк зебру и внедрился на «съёмочную площадку».

– Наидобрейшего дня! – протянул он руку молодому человеку.

– Э... Здравствуйте, – вяло пожал её тот, недоумённо поглядывая по сторонам.

– Стойте! Сюда нельзя! – прицепилась к Сиги одна из организаторов, девушка, ростом ему до плеча.

– У вас арендовано? – сухо поинтересовался Гильза, с непроницаемой улыбкой монстра воззрившись на неё.

– Имеем право! Пространство общественное!

– Ну так и я, прекрасная леди, имею право. Не отниму много времени, если вы не станете мне мешать, – с этими словами он безразлично отвернулся от негодующей дамы и снова обратился к молодому человеку. – Симеон Гильза, будем знакомы. У меня к вам есть прелюбопытнейшее предложение, если не боитесь, то забегайте вечером в кафе за углом. В шесть.

– А вы кто? – изумился парень, медленно выходя из образа. Сиги едва сдержал улыбку, – такими чистыми и невинными показались ему голубые глаза с коричневатой окаёмкой.

– Вот вечером и расскажу. Не думаю, что моё предложение окажется хуже, чем то, ради которого вы прозябаете на улице в откровенно некрасивых вещах, – чуть улыбнувшись, он приблизился к собеседнику и прошептал, – я могу дать свободу. И неплохой заработок.

– Так вы – агент?! – наивно-невинно выдохнул паренёк.

– Что-то вроде...

– Понял.

– Да уйдёте вы или нет? – снова встряла девушка, потеряв терпение.

– О... Я уже ретируюсь, не стоит так нервничать, дорогая... Ваши беды все и так от этого, – Симеон старательно держал себя в руках, чтобы не вытащить из неё чего-нибудь. Но ехидное желание навредить даже тогда, когда он сам не нуждался в работе, – зудело в сердце, как муха, попавшая в банку. – Удачной съёмки.

Старомодно раскланявшись, Гильза удалился, напевая себе под нос. Ему хотелось кричать на весь мир и даже станцевать бессмысленную джигу, о которой он помнил только то, что та родом из Британии, но современным миром ассоциируется с Ирландией, Шотландией и кельтской культурой. Сиги, конечно, не считал себя ни ирландцем, ни шотландцем, ни даже кельтом, – а откуда взялся навык старинного танца, – не знал. Только вот быстрый темп и зажигательность джиги сейчас как нельзя лучше отражали настроение его души.

Этот парень, у которого Сиги не спросил имени, – настоящий клад с сияющей константой. Сердце Симеона сжалось от предвкушения. Если изъять из него всё, что возможно, то пару-тройку месяцев не придётся ни к кому прикасаться! А если держать красавчика рядом, то и дольше. Безумие! Везение!

Гильза всё же радостно притопнул ногой, выдохнул, как запыхавшийся паровоз и, приняв привычное выражение лица, спрятал руки в карманы. Стоило успокоиться, настроиться на рабочий лад и хорошенечко подумать. Светоч! И откуда только он взялся такой замечательный, такой чистейший – доброта его не оставляла равнодушным, и если бы Сиги не был отравлен экзорцизмом, то непременно бы пустил слезу от умиления и счастья просто видеть свет.

– Подозрительное везение... – остановил свою эйфорию Симеон. – Будь осторожен, Сиги... Посмотри по сторонам.

Идунн. Вот почему она появилась так неожиданно – шестое чувство никогда не подводило таких, как она. Смотрители. Наблюдатели. *Наблюдательницы*. Уж лучше бы она была ангелом, чем хранителем баланса. Милая, милая Идунн. Гильза остановился – ледяная жалость пробиравлась под пальто и рубашку, кулон тяжёлой ношей опустился на грудь и давил, как булыжник.

– Это не предательство! – злобно шикнул он в воротник. – Хватит!

– Ты не сделаешь этого, – тихо отозвалась Идунн, с тяжёлым дыханием нагоняя Сиги.

– Тебе не понять! Он один стоит сотни...

– Да разве дело в этом? – Иду ухватила за его локоть, ища поддержки.

– Только в этом.

– Не ври мне, Симеон!

– Что ты сделаешь в противном случае?

– То же, что и всегда.

– Заберёшь? Он не пойдёт с тобой. Ему твой свет вообще не нужен. Ты видела? – Гильза остановился, разворачивая **Иду** к себе лицом, чтобы видеть её глаза. Каждый раз, когда они встречались, ему требовался прямой взгляд. Даже тогда, когда она ещё была Льот. Даже тогда, когда он не хотел этого.

– Сиги... Остановись. Не трогай его! Мир в хаосе...

– Какое мне дело до мира? Ну, скажи! Разве для меня вообще когда-то был важен мир?! Только люди. А страстей и тьмы в любые времена столько, что на тысячу таких, как я, хватило бы. Да не угаснет...

– Молчи!

– **Иду**, милая моя... Ты прекрасно знаешь, что неправа. Что ты ничего не сделаешь. В этот раз я не уступлю.

– Это нарушит *баланс*. И я понесу наказание.

– От кого? – ухмыльнулся Симеон, осторожно разжимая руки. Идунн вдруг показалась ему нежной и хрупкой, даже в некоторой степени беззащитной. Последние годы всякая связь с кем бы то ни было из следящих и работающих практически рассеялась. Кто и каким образом теперь управлял процессами – Гильзе было неизвестно. И раньше-то, все только догадывались о стоящих на вершине, если слово вершина вообще стоило применять, но сейчас... – Мы сами себе хозяева, **Иду**. Ты тоже это чувствуешь. Не ровён час, наши жизни оборвутся так же внезапно, как и начались. Так что не

строй из себя поборницу мира и великого *баланса*. Он великий как раз и потому, что обладает свойством саморегуляции. Не будет меня, – найдётся кто-то другой, кто сделает в тысячу раз хуже. Пора бы уже нам разойтись по разным полюсам. Ты – неси свет. А я буду делать то, что мне нравится.

– Нет, Сиги. Я никуда от тебя не уйду, – твёрдо прошептала **Иду**.

– А я просил приходить?

Она взглянула на него печально, с невыразимой болью и, если была бы обычной женщиной, непременно пустила бы слезу. Но перед Симеоном стояла Идунн, ранее известная как Льот – несущая свет – служительница великого *баланса*, смотрительница и охранительница, суровая *наблюдательница*. От Сиги ей приходилось слышать и не такое, особенно в пору восстановления после *недуга*, когда он выходил на улицы злой, истощённый и укутанный в плащ ненависти к обжигающему душу свету добра, метался в поисках жертвы, не гнушаясь даже теми, кто сам себя почти утопил во тьме. В её силах было остановить экзорциста, вовремя подать сигнал стоп, а он, в свою очередь, обязан был подчиниться, иначе... А что *иначе* – оба они только знали, но на себе никогда не испытывали.

Симеон представлял это *иначе*, как то, что произошло с Торни – безвременная, глупая и пустая смерть, отправляющая душу в большое ничто, вместо возвращения к праотцам и древу. Как растения, перегнивая, питают новые, так и лю-

бой экзорцист должен был бы, выполнив свою службу, получить очередной шанс. Но участь Торни – страшна, и дико пугала Сиги. Лют же представляла себе *иначе* как вечные муки, признававшие своей целью только очернение души, изничтожение *константы*, низвержение её в космическую пыль. И поэтому отчаянно не желала такой судьбы Гильзе. Единственной константе её существования.

– Ты никогда никого ни о чём не просил, Сиги...

– Оставь меня. Прошу, – с трудом выдавил из себя Симеон, отступая на шаг от **И**ду.

– Не делай этого.

– Я сам себе хозяин.

– Это заблуждение.

– Иди, пожалуйста. Не надо меня останавливать!

– Симеон Гильза, – прошептала Идунн, наступая на него всем телом, – ты прекрасно знаешь порядок. Ты сведущ и в делах более серьёзных, чем вытяжка света. И отвечать будешь по иным законам. Большие знания – большая ответственность. Когда придёт срок расплаты, я не смогу помочь.

– А я не попрошу больше.

Сиги отступил, всеми силами скрывая горечь в сердце, и оставил Идунн посреди улицы. Он ждал её торопливых шагов за спиной, – ведь так всегда было: она догоняла, утешала, направляла, ругала и просто была рядом, скрашивая одиночество. В моменты принятия сложных решений, прокладывающих дорогу судьбе, присутствие друга, несущего в се-

бе больше света, чем тьмы, – казалось Сиги необходимым. Он знал, что *константа* Идунн вовсе не такая, как у него. Именно поэтому она всегда была его наблюдателем. Плюс и минус. Подавляя желание оглянуться, Симеон ещё больше нахохлился, сжимая руки в кулаки, – благо через карманы этого нельзя было заметить.

И всё-таки – предательство.

Что же. Этот парень стоил дружбы с Иду. Во всяком случае, Гильза, вопреки опыту и шёпоту интуиции, хотел в это верить.